

ПРЕПОДАВАНІЕ ПЕДАГОГИКИ ВЪ ДУХОВНЫХЪ СЕМИНАРІЯХЪ.

(Дѣйствительность и ожиданія).

I.

Педагогика въ общемъ курсѣ семинарскихъ наукъ занимаетъ самое незначительное мѣсто. Это прикладной, второстепенный предметъ. Ему удѣляется и времени и вниманія меньше, чѣмъ какому-либо другому предмету. Правда и „физико-математическія науки“ въ учебной программѣ духовныхъ семинарій урѣзаны до минимума и при томъ еще втиснуты въ такія рамки времени и условій, что удовлетворительное выполненіе и минимальной программы иногда невозможно ¹⁾, но мысль невольно объясняетъ это обособленностью математическихъ предметовъ въ семинарской программѣ, обособленностью отъ „главныхъ“—богословскихъ предметовъ, въ знаніи которыхъ полагали, къ сожалѣнію, все нужное для будущаго пастыря церкви тѣ, кому было суждено организовывать систему семинарскаго вѣдѣнія. Но педагогика—по какимъ соображеніямъ она заняла такое жалкое мѣсто тамъ, гдѣ готовятся быть въ будущемъ *пастырями, учителями, воспитателями своихъ пасомыхъ, „дѣтей духовныхъ“*? Почему въ такомъ урѣзанномъ видѣ и печальной постановкѣ вошла наука воспитанія въ программу обученія тѣхъ, кому самое образованіе должно указывать въ будущемъ дѣятельность въ мірѣ, борьбу съ грѣхомъ людей, способы воздѣйствія на другихъ, покоренія себѣ душъ чelовѣческихъ, проведенія идеально-христіанскаго настроенія

¹⁾ См. объ этомъ нашу статью въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ 1902 г. № 7—8.

чрезъ воспитываемое поколѣніе? Почему задача педагогики ограничена въ семинарской программѣ узкою цѣлью—„приготовить опытныхъ, умѣлыхъ и знающихъ учителей въ церковно-приходскія школы“?

Суживая цѣль педагогическихъ познаній питомцевъ семинаріи, программа „для преподаванія дидактики въ духовныхъ семинаріяхъ“ сообразно съ этимъ намѣчаетъ и особое направленіе въ преподаваніи дидактики. „Направленіе преподаванія“, читаемъ мы въ „объяснительной запискѣ“ къ этой программѣ, „ясно опредѣляется духомъ и характеромъ сихъ школъ. Если школа должна имѣть прямое и ясное руководство въ Церкви, то и учителя должны воспитываться подъ тѣмъ же руководствомъ. Поэтому преподаваніе дидактики должно имѣть религіозно-нравственное направленіе и должно быть проникнуто духомъ церковности“. Странное раздѣленіе „церковныхъ“ школъ и другихъ... Такое обособленіе церковной школы—и въ заявленіяхъ и на дѣлѣ—не могло ли поддерживать тотъ антагонизмъ между земской и церковно-приходской школой, который постепенно обострялся и который,—съ какой бы точки зрѣнія мы ни смотрѣли на школьное дѣло,—не могъ не отзываться дурно на ходъ организаціи вообще начальнаго образованія на Руси?

Но разъ была намѣчена особая и узкая цѣль педагогическаго образованія семинариста и было указано особое, сообразное цѣли, направленіе этого образованія, естественно должно было ограничить и программу педагогическихъ наукъ, измѣнить и приспособить содержаніе преподаваемого къ поставленнымъ цѣлямъ. Дѣйствительно, мы продолжаемъ читать въ объяснительной запискѣ: „содержаніе дидактики, по программѣ, ограничено ближайшими потребностями духовнаго воспитанника, какъ будущаго учителя начальной школы. Сдѣлано это сколько по недостатку времени, столько и для сосредоточенія самого преподаванія. Опытъ показалъ, что преподаваніе вмѣстѣ съ дидактикой общей педагогики не достигало цѣли. Помимо того, что педагогика не развилась еще до степени научнаго знанія, въ ней имѣется много неяснаго, неопредѣленнаго и даже произвольнаго и недоказаннаго. При томъ же, составляя по существу своему предметъ практическій, педагогика въ ны-

нѣшнемъ ея состояніи представляетъ собраніе теоретическихъ положеній, безъ надлежащихъ твердыхъ основъ. Такъ какъ психологическія и философскія свѣдѣнія, кои сообщаются въ общей педагогикѣ, изучаются воспитанниками до прохожденія дидактики, то въ прохожденіи общей педагогики въ семинаріяхъ не видится и нужды. Новая программа дидактики, устраняя общую педагогику, не устраняетъ однакоже воспитанія, насколько оно доступно школъ“. Недостатокъ времени не можетъ быть, конечно, серьезной причиной ограниченія программы по педагогикѣ, разъ будетъ признана важность педагогики, и какъ предмета общеобразовательнаго и какъ необходимаго для будущаго учителя и пастыря. Разъ не можетъ быть ради расширенія педагогической программы удѣлено время чрезъ уничтоженіе или сокращеніе болѣе непродуктивныхъ предметовъ семинарскаго курса: библейской исторіи, пасхалии, гомилетики, древнихъ языковъ..? Какимъ образомъ ограниченіе содержанія дидактики, сдѣланное „и для сосредоточенія самаго преподаванія“, могло способствовать этому сосредоточенію,—это для насъ, признаемся, непонятно. Что касается мнѣнія, что „педагогика не развилась еще до степени научнаго знанія, что она въ нынѣшнемъ ея состояніи представляетъ собраніе теоретическихъ положеній безъ надлежащихъ твердыхъ основъ“,—то несправедливость этихъ заявленій едва ли есть нужда доказывать не только для нашего времени, но и для времени, когда составлялась программа дидактики и объяснительная къ ней записка (уставъ 1884 года). Правда, что въ ней, какъ и во всякой наукѣ, особенно вступившей на новую, болѣе реальную почву для своего развитія, есть „неясное, неопредѣленное, недоказанное“. Но это только указываетъ на необходимость выдѣлить все недоказанное, неясное, неопредѣленное, а не подвергать за это ostracismu всю науку. Сама записка объясняетъ исключеніе общей педагогики изъ курса семинарскихъ наукъ не „отсутствіемъ въ ней научнаго знанія“, а тѣмъ, что „въ прохожденіи ея не видится нужды, такъ какъ психологическія и философскія свѣдѣнія, кои сообщаются въ общей педагогикѣ, изучаются воспитанниками до прохожденія дидактики“, т. е. записка сама указываетъ твердыя современныя научныя основанія педагогики. Но такъ называемая „общая педаго-

гика“ (хотя бы даже по болѣе употребительнымъ въ женскихъ гимназіяхъ М. Н. П. учебникамъ Скворцова и Ельницкаго) не есть только сообщеніе философскихъ и психологическихъ свѣдѣній, которыя усвояются семинаристами еще ранѣе изученія педагогики. Здѣсь, кромѣ свѣдѣній по общей психологіи, сообщаются параллельно свѣдѣнія по дѣтской психологіи. И указанія изъ области дѣтской психологіи особенно важны. Они уясняютъ отличія дѣтской души и ея проявленій отъ соответствующихъ проявленій души у взрослого человѣка, они вводятъ насъ въ иной міръ, знакомство съ которымъ необходимо для правильного воспитывающаго воздействия на ребенка. Они предохраняютъ насъ отъ той всегдашней почти и вредной по послѣдствіямъ ошибки, когда мы судимъ о ребенкѣ по себѣ, по аналогіи съ своей психикой и нерѣдко, не считаясь съ его психикой, нарушаемъ ея естественное теченіе и развитіе, часто хотимъ заставить ребенка и мыслить, и чувствовать, и поступать, какъ взрослый. И сколько вреда отъ этого... Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочитать воодушевленнаго глубокой религіозной идеей педагога-врача Н. И. Пирогова и подумать хотя бы надъ одной его статьей „Быть и казаться“. „Мы взрослые“, по словамъ Пирогова ¹⁾, „нарушаемъ безпрестанно гармонію дѣтскаго міра. Мы, насильно врываясь въ него, переносимъ ребенка на каждомъ шагу къ себѣ, въ нашъ свѣтъ. Мы спѣшимъ внушить ему наши взгляды, наши понятія, наши свѣдѣнія... Исторгая безпрестанно ребенка изъ его собственнаго духовнаго бытія, перенося его все чаще въ нашу сферу, заставляя его и смотрѣть и понимать по нашему, мы, наконецъ, достигаемъ одного: онъ начинаетъ намъ казаться не тѣмъ, что онъ есть. Мы способствуемъ развитію въ ребенкѣ лжи и притворства, двойственности души. И вотъ вѣнецъ нашей педагогики!... Чтобы судить о ребенкѣ справедливо и вѣрно, намъ нужно не переносить его изъ его сферы въ нашу, а самимъ переселиться въ его духовный міръ“. Въ тѣхъ же учебникахъ общей педагогики сообщаются свѣдѣнія по дѣтской гігіенѣ и фізіологіи, что нелишне знать истинному педагогу-учи-

¹⁾ Н. И. Пироговъ. „Сочиненія“. Второе изд. Петерб. 1900. Т. 1. Стр. 73—74.

телю дѣтей, особенно въ народной школѣ. Здѣсь же—главное—дѣлаются педагогическіе выводы изъ обще-психологическихъ положеній. Правда, психологическія и философскія знанія сообщаются семинаристамъ ранѣе, но вѣдь нѣтъ нужды повторять ихъ; ихъ надо приложить къ дѣлу воспитанія, на основаніи ихъ выяснить педагогическія положенія. Какъ воспользоваться этими знаніями,—объ этомъ у насъ будетъ еще рѣчь.

Въ „объяснительной запискѣ“ мы не находимъ поясненій, почему исключена изъ семинарской учебной программы исторія педагогики. Эта наука представила бы учащимся важнѣйшіе моменты воспитательныхъ теорій и учреждений, моменты прогрессивнаго развитія педагогическихъ идей; она, указывая ошибки прошлаго, предупреждала бы ошибки настоящаго, вела бы человѣка къ современно-правдивому и жизненному рѣшенію педагогическихъ вопросовъ на практикѣ, такъ какъ педагогическія идеи идутъ всегда параллельно съ развитіемъ общихъ началъ всей жизни и постепеннымъ проясненіемъ народнаго и общечеловѣческаго сознанія. И какъ грустно, думаемъ мы, бываетъ начинающему учителю изъ семинаристовъ, когда онъ послѣ семинаріи, добросовѣстно приступая къ дѣлу обученія въ народной или другой какой школѣ, или еще въ семинаріи заглянетъ въ книгу по исторіи педагогики или въ педагогическій журналъ и увидитъ, какъ мало прояснила и развила его педагогическія идеи духовная школа, какъ мало приспособила его къ истинному воспитанію другихъ въ современной школѣ для современной жизни...

Но посмотримъ, что беретъ семинарская программа изъ иной педагогической науки—дидактики. Читаемъ: „изъ общей дидактики въ программу внесено только необходимое, что имѣетъ прямое отношеніе къ цѣли,—именно взято ученіе объ учителѣ, ученикѣ, о воспитывающемъ обученіи и о школѣ, какъ избранномъ мѣстѣ обученія. Всѣ эти отдѣлы должны быть пройдены кратко, сообразно цѣли“. Итакъ, взято немного и взято кратко. Для нашей цѣли нѣтъ нужды останавливаться подробно на томъ, что должно быть взято изъ „общей дидактики“ для пользы дѣла. Интересующемуся рекомендуемъ сравнить семинарскую программу (или учебникъ Миропольскаго, завоевавшій себѣ незаслуженную,

по общему признанію, монополію) съ книгой Ельницкаго „Курсъ дидактики“ (14 изд. Петерб. 1904). Правда, изъ книги Ельницкаго безъ вреда для дѣла можетъ быть выпущено многое при изученіи дидактики на ряду съ общей педагогикой ¹⁾, но при игнорированіи въ семинарскомъ курсѣ общей педагогики свѣдѣнія объ особенностяхъ дѣтской психологін и въ частности дѣтскаго познанія и выводы отсюда для учебнаго дѣла (что есть въ учебникѣ Ельницкаго) могли бы восполнить пробѣлы теоретической подготовки будущихъ „учителей церковно-приходскихъ школъ“.

Что касается методики (одинъ урокъ въ недѣлю), то „обяснительная записка“ указываетъ, что „при изложеніи слѣдуетъ оберегаться отъ увлеченія новизною и тѣми мелочными и несвойственными нашей школѣ приѣмами обученія чисто внѣшняго характера, которые выработаны *западною* школою и вошли отчасти въ наши учебники. Нужно стремиться къ возможной простотѣ въ обученіи и памятовать, что сила и успѣхъ обученія не столько въ методѣ, сколько въ личности учителя. Самое важное, чтобы учитель вполнѣ владѣлъ тѣмъ методомъ, по которому онъ обучаетъ. Плохо, если не учитель владѣетъ методомъ, а методъ поработаетъ учителя. Часто и хорошій методъ въ рукахъ неопытнаго учителя даетъ плохіе результаты; напротивъ, въ рукахъ опытнаго практика и *всякій* методъ прилагается съ успѣхомъ“. Повидимому, главная опасность полагается въ томъ, что внѣшніе приѣмы привнесутъ что-то западное въ православную церковную школу. Какъ нѣсколько рѣзкія выраженія этого страннаго опасенія мало вяжутся съ приведенными далѣе въ самой запискѣ и отмѣченными курсивомъ „мыслями“ прот. П. Смирнова, что для успѣха школьнаго дѣла „мы должны мало по малу усвоить себѣ выработанныя новой

1) Вотъ почему въ „Учебномъ планѣ для VIII кл. женскихъ гимназій Московскаго учебн. округа“ выражается желаніе, чтобы ради сокращенія времени и для возможно *широкой и полной* постановки преподаванія *общей педагогики* „дидактика не составляла особаго *отдѣла*. Основные положенія дидактики могутъ даваться, какъ выводы изъ соответствующихъ (замѣтимъ: и естественно повторяющихся въ учебникахъ дидактики) отдѣловъ общей педагогики, съ частными же правилами ея ученицы знакомятся на урокахъ методики отдѣльныхъ учебныхъ предметовъ“.

педагогіей хорошія правила относительно постепенности, наглядности, самодѣятельности въ обученіи дѣтей, усвоить новоизобрѣтенные и оказавшіеся на практикѣ полезными способы наученія дѣтей грамотѣ и счисленію“.... Но въ выше приведенныхъ словахъ объяснительной записки нельзя еще не обратить вниманія на подчеркнутую мысль о важности опыта учителя, о вытекающей отсюда необходимости практической подготовки учителя для народной школы. И въ началѣ записки мы читаемъ, что самое преподаваніе дидактики „должно имѣть *практическій* характеръ и должно стоять въ тѣсной связи съ практическими занятіями въ образцовой школѣ“. Проведеніе этой хорошей мысли въ дѣйствительность принесло бы много пользы и заставило бы нѣсколько забыть о пробѣлахъ теоретическаго изученія педагогики въ семинаріи. Какъ же осуществляется эта мысль? Условія для ея осуществленія созданы: при каждой семинаріи имѣется „образцовая“ начальная школа, поставленная недурно при сравнительной матеріальной ея обеспеченности. Порядокъ при осуществленіи мысли о практическихъ упражненіяхъ въ школѣ семинаристовъ обычно такой. Ученики V и VI классовъ семинаріи по два раза въ недѣлю являются на уроки въ образцовую школу всѣмъ классомъ. Воспитанники наглядно знакомятся здѣсь съ преподаваніемъ въ школѣ, слушая урокъ учителя или законоучителя. Принято, что одинъ разъ въ недѣлю они являются на урокъ учителя, другой разъ—на урокъ Закона Божія. Кромѣ того, каждый день на всѣхъ урокахъ въ школѣ присутствуютъ очередные ученики V и VI классовъ—по 1—2 человека отъ класса. Они могутъ (и теоретически должны) принимать участіе въ занятіяхъ съ учениками по указанію учителя и священника или замѣнять ихъ въ случаѣ отсутствія. Воспитанники VI класса одинъ разъ въ недѣлю слушаютъ „образцовый“ урокъ своего товарища (вмѣсто учителя или законоучителя школы). Эти уроки заранѣе извѣстны практикующимся. Онъ готовится къ уроку, пользуясь указаніями преподавателя дидактики и учителя школы, затѣмъ даетъ урокъ, а на послѣдующемъ классѣ дидактики его урокъ, достоинства и недостатки его преподаванія обсуждаются товарищами-слушателями и преподавателемъ.—Посѣщеніе уроковъ законоучителя или учителя школы всѣмъ классомъ

едва ли приносить какую пользу воспитанникамъ семинаріи. Слушаютъ урокъ, выхваченный изъ ряда другихъ, безъ возможности для слушателей слѣдить за послѣдовательностью преподаванія, за необходимою связью между уроками и установкою этой связи. Хорошо еще, если интересующійся дѣломъ преподаванія ученикъ распросить что-л. у учителя школы, а тотъ добросовѣстно пойдетъ на встрѣчу его интересамъ. Но обычно къ этимъ урокамъ воспитанники семинаріи относятся холодно. Вѣдь это—не ихъ дѣло, не *живая ихъ* работа. На эти уроки смотрятъ, какъ на часы отдыха отъ занятій, на часы „свободные“, когда можно заниматься своимъ дѣломъ, постороннимъ. Кто учился въ семинаріи и припомнить эти уроки въ школѣ, тотъ не можетъ не признать, что эти уроки проводили несообразно ихъ дѣли, тотъ вспомнить, что не было часто желанія идти на эти уроки, являлось искушеніе „сбѣжать“ и провести часъ гдѣ-л. за своимъ дѣломъ, что часто возникали „конфликты“ съ преподавателемъ и начальствомъ и изъ—за посѣщенія этихъ уроковъ и изъ—за поведенія на нихъ. И для преподавателя часы,—когда въ росписаніи уроковъ названа такъ наз. „школа“,—были нерѣдко самыми непріятными... При невниманіи къ урокамъ школы, воспитанники начинали бесѣду, мѣшали прямому школьному дѣлу, надо было водворять порядокъ репрессіями... Воспитанники изъ „очередныхъ“, замѣняя иногда учителя или законоучителя, часто случайно и внезапно, едва ли могутъ вести урокъ правильно и едва ли такая практика приноситъ имъ существенную пользу. Несомнѣнно, большую пользу для будущей своей педагогической дѣятельности получить ученикъ, заранѣе подготовившійся къ уроку и затѣмъ послѣ выслушивающій сужденія о немъ. Къ сожалѣнію, эти сужденія не всегда бываютъ безпристрастны со стороны товарищей, хотя ихъ откровенныя сужденія и желательны особенно. Вѣдь „образцовый“ урокъ оцѣнивается преподавателемъ, за урокъ ставится отмѣтка (или, по крайней мѣрѣ, измѣняется). Товарищи-критики не могутъ не имѣть этого въ виду. Для дающаго же урокъ при такихъ условіяхъ все дѣло—въ *отбываніи* урока, какъ повинности. Здѣсь не можетъ быть любви къ дѣлу, стремленія къ нему. А если принять во вниманіе, что ученикъ даетъ одинъ такой урокъ въ годъ (едва ли всѣ ус-

пѣють—по два ¹⁾, то польза можетъ получиться такая же, какъ отъ практическаго обученія чтенію апостола въ церкви, для чего въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ заставляють читать апостолъ въ церкви по очереди всѣхъ воспитанниковъ VI класса, умѣющихъ и неумѣющихъ, владѣющихъ голосомъ и безголосыхъ.... Если кто изъ бывшихъ воспитанниковъ семинаріи и получилъ ощутительную пользу отъ посѣщенія уроковъ въ образцовой школѣ, такъ это тотъ, кто, бывая въ школѣ, какъ „очередной“ или со всѣмъ классомъ, самъ просилъ дать ему дѣло, по собственной инициативѣ вмѣшивался и всматривался въ школьныя занятія, кто любилъ школьное дѣло по особому призванію къ нему.

II.

Несомнѣнно, что въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ по всѣмъ предметамъ ихъ курса должны быть преподаваемы лишь такія свѣдѣнія, которыя имѣють значеніе установившихся, общепризнаваемыхъ научныхъ положеній. Преподаваніе учащимся матеріала сомнительной точности, не принося имъ существенной пользы, можетъ вести къ ослабленію учительскаго авторитета. Изъ наукъ педагогическихъ должны имѣть мѣсто въ курсѣ и вообще средне-учебныхъ заведеній и духовныхъ семинарій въ частности слѣдующія науки: такъ называемая „общая педагогика“, общая дидактика, методика различныхъ предметовъ и исторія педагогики. Изученіе курса педагогики въ духовной семинаріи должно имѣть цѣлью ознакомить учащихся съ научно-педагогической терминологіей, подготовить ихъ къ самостоятельному чтенію педагогическихъ сочиненій, возбудить у нихъ интересъ къ педагогическимъ вопросамъ и дѣятельности чрезъ расширеніе ихъ, такъ сказать, педагогическаго

1) Пишущій эти строки, обучаясь въ семинаріи, не успѣлъ дать ни одного „пробнаго“ урока въ образцовой школѣ при своей семинаріи.—Бываетъ, что преподаватель заставляетъ воспитанниковъ въ одинъ часъ двухъ давать „пробный урокъ“ (1/2 часа одинъ, 1/2 часа другой продолжаетъ тотъ же урокъ). Такой странный приемъ ясно антипедагогиченъ. Если онъ имѣетъ цѣлью—дать возможность всѣмъ ученикамъ выполнить „пробный“ урокъ, то все, слѣдовательно, сводится не къ практикѣ и пользѣ ученика, а къ отбыванію повинности, недостойному выполненію буквы устава...

кругозора и содѣйствовать правильному теченію этой будущей педагогической дѣятельности. Этому удовлетворять на-мѣченные педагогическія дисциплины.

Преподаваніе въ семинаріи „общей педагогики“ облегчается и естественно сокращается въ силу того, что въ курсѣ семинарскихъ наукъ изучаются психологія, логика и философія. Но, какъ мы уже говорили, эти науки не исключаютъ необходимости занятій по общей педагогикѣ. Всѣ педагогическія правила должны быть, конечно, основаны на данныхъ психологіи; безъ пониманія ея, внѣ связи съ нею даже полный кодексъ педагогическихъ правилъ не можетъ имѣть значенія, какъ кодексъ положеній, недостаточно мотивированныхъ и слабо укрѣпленныхъ. Такимъ кодексомъ, лишеннымъ твердой почвы и объективнаго характера, и была педагогика, когда она не основывалась на психологическихъ выводахъ. Курсъ психологіи долженъ быть только почвою для дальнѣйшаго педагогическаго приложенія общепсихологическихъ положеній по сравненію ихъ съ данными дѣтской психологіи. Въ „Вѣстникѣ Воспитанія“ за прошлый годъ г. Ельницкій рекомендуетъ въ VII классѣ женскихъ гимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія, гдѣ проходитъ курсъ „общей педагогики“, примѣнять при ея изученіи эвристическій методъ. Этотъ методъ онъ съ успѣхомъ примѣнялъ въ Омской женской гимназій, гдѣ преподавалъ педагогику. Правда, преподаваніе по этому методу, въ виду его несомнѣнныхъ преимуществъ, желательно, но, не говоря уже о томъ, что его примѣненіе требуетъ большой опытности отъ преподавателя и при неблагопріятныхъ условіяхъ можетъ сопровождаться сомнительнымъ успѣхомъ, едва ли его примѣненіе можетъ быть полезно въ VII кл. женскихъ гимназій въ виду именно того, что ученицы гимназій не получаютъ никакихъ знаній по психологіи до VII класса. Едва ли поэтому возможно даже при строго обдуманыхъ вопросахъ примѣнять эвристическій методъ въ *значительной* мѣрѣ и съ ручательствомъ за успѣхъ. Совѣтъ и примѣръ г. Ельницкаго могли бы оказаться очень полезными при преподаваніи курса общей педагогики въ духовныхъ семинаріяхъ. Послѣ того, какъ ученики усвоили курсъ психологіи, рядомъ вопросовъ легко привести ихъ къ самостоятельному выясненію особенностей психологіи ребенка и къ са-

мостоятельнымъ педагогическимъ выводамъ. Польза была бы несомнѣнная. Такая постановка дѣла приучила бы учащихся и къ самостоятельности при выборѣ и примѣненіи того или другаго педагогическаго приема. Давъ имъ знаніе души ребенка, она научила бы ихъ съ пользою примѣнять эти правила въ трудномъ дѣлѣ воспитанія и обученія при самыхъ разнообразныхъ случаяхъ педагогической практики. Педагогика, вѣдь, и не претендуетъ на классификацію этихъ случаевъ, на диктованіе педагогическихъ рецептовъ. Она хочетъ дать знаніе души человѣка и ребенка и научить, принимая во вниманіе всѣ условія времени и индивидуальности въ каждомъ случаѣ, прилагать эти знанія къ дѣлу. Выполненіе курса психологіи въ семинаріи носитъ, къ сожалѣнію, по большей части, чисто теоретическій характеръ: учащіеся не приучаются къ анализу своихъ душевныхъ явленій, къ наблюденію надъ другими и анализу ихъ психики по всѣмъ даннымъ наблюденія. Этотъ недостатокъ въ значительной мѣрѣ искупался бы эвристическими приемами преподаванія общей педагогики. Одной изъ задачъ при преподаваніи педагогики должно быть пробужденіе въ ученикахъ осмысленнаго отношенія къ вопросамъ педагогическаго характера. Осмысленно относиться къ вопросамъ педагогическаго характера—это значитъ умѣть ясно и точно ставить подобные вопросы, подмѣчать ихъ связь съ другими вопросами и понимать, какого рода знанія требуются для ихъ разрѣшенія. А все это предполагаетъ необходимымъ — развить у обучающихся способность къ психологическому и логическому анализу. Учащіеся на урокахъ педагогики въ самостоятельной работѣ надъ анализомъ психической жизни и его практическимъ примѣненіемъ къ дѣлу воспитанія приобрѣтали бы нѣкоторый педагогическій опытъ. Для этого не потребовалось бы и много времени. Общая педагогика естественно сокращалась бы чрезъ пропускъ обще-психологическихъ свѣдѣній, а также свѣдѣній изъ логики, обычныхъ въ учебникахъ и программахъ общей педагогики ¹⁾.

1) Большое практическое значеніе въ этомъ курсѣ общей педагогики могли бы имѣть для питомцевъ духовныхъ семинарій и свѣдѣнія по гигиенѣ дѣтскаго возраста, особенно для будущаго сельскаго учителя: не лишне проведеніе въ сельской школѣ хотя бы основныхъ началъ гигиены, которыхъ такъ чужда жизнь большинства нашего сельскаго лю-

За изученіемъ общей педагогики должно слѣдовать непосредственно преподаваніе дидактики, какъ представляющей приложеніе общепедагогическихъ положеній къ обученію. И если въ курсѣ семинарскихъ наукъ психологія является фундаментомъ для выводовъ общей педагогики, то общедидактическія положенія имѣли бы прекрасное основаніе въ изучаемыхъ семинаристами законахъ логики. Дидактика, представляя собою теорію *умственного* воспитанія, тѣсно связана съ логикой, такъ какъ въ своихъ постулатахъ опирается на общую теорію знанія, на тѣ правила его достиженія, опредѣленіе которыхъ входитъ въ задачу логики. Логика указываетъ нормы и пути, по которымъ должна идти жизнь ума, а умъ воспитываемыхъ есть одинъ изъ главныхъ объектовъ, на которые направляется дѣятельность воспитателя. И нормы важны. Дидактика должна указать не только, какъ легче и съ меньшей затратой энергіи обогатить умъ учащагося знаніями, способы и методы этого обогащенія, но вмѣстѣ, какъ и развить его умственный процессъ, указавъ и выяснивъ, что обучающій долженъ имѣть въ виду не матеріальную только цѣль обученія, но и формальную, какъ условіе возможности дальнѣйшаго умственного совершенствованія. На урокахъ дидактики будущій педагогъ узнаетъ о необходимости посильности, послѣдовательности, наглядности преподаванія, самостоятельности учащихся при обученіи, объ общихъ вообще дидактическихъ положеніяхъ. Онъ уяснитъ себѣ ходъ мышленія у учащихся, познакомится съ дидактическими методами, съ системами расположенія учебнаго матеріала, съ формами обученія. Ему сдѣлаютъ указанія относительно внѣшней организаціи школы,

да. Но такъ какъ изученіе этого предмета можетъ имѣть надлежащую цѣну лишь въ связи хотя бы съ краткимъ курсомъ анатоміи и физиологіи человека, а также химіи, то едвали отрывочныя свѣдѣнія изъ учебника могутъ принести особую пользу, тѣмъ болѣе, что преподаватель, какъ не врачъ, самъ можетъ быть мало знакомъ съ гигиеной. Пользу могли бы принести бесѣды врача-специалиста. Дѣло преподавателя на урокахъ педагогики, кромѣ основныхъ указаній гигиены, можетъ быть дополнено указаніемъ его ученикамъ надлежащихъ пособій по гигиенѣ для самостоятельнаго ихъ ознакомленія съ этою областью знанія. А, можетъ быть, настанутъ въ недалекомъ будущемъ лучшія времена для нашей средней школы, когда ея питомцы будутъ знакомы съ химіей, физиологіей и проч.

внѣшней стороны урока. Ему выяснять способы возбужденія вниманія учащихся, укрѣпленія памяти, поддержанія дисциплины въ школѣ, и такъ далѣе... Предъ нимъ обрисовуется общій идеаль школы и общій идеаль ея дѣятеля, ея души-учителя, постепенно совершенствующагося и всѣ силы полагающаго на свое великое, любимое, но трудное дѣло... Какіе-нибудь три недѣльныхъ урока общей педагогики и дидактики дадутъ много хорошихъ и полезныхъ теоретическихъ знаній будущему педагогу, на какомъ бы поприщѣ онъ имъ ни выступилъ ¹⁾.

Послѣ усвоенія общихъ дидактическихъ положеній ученики должны быть ознакомлены съ методикой предметовъ начальной школы ²⁾. На ряду съ теоретическимъ изученіемъ методовъ преподаванія разныхъ предметовъ должны идти и практическія занятія воспитанниковъ семинаріи въ образцовой школѣ. Поэтому изученіе методики лучше бы начинать въ слѣд. учеб. году, съ начала года, т. е. раздѣлить преподаваніе педагогики на два года. Желательно именно, чтобы преподаваніе методики ученикамъ и практическія занятія ихъ въ школѣ шли параллельно, т. е. чтобы изученіе методики было главнымъ образомъ практическимъ. Ознакомившись съ извѣстнымъ методическимъ приѣмомъ, воспитанникъ примѣнялъ бы его на дѣлѣ или видѣлъ бы его примѣненіе товарищемъ; изъ своего опыта, изъ оцѣнки его другими—товарищами и преподавателемъ—узнавалъ бы свои промахи. Необходимо при этомъ, конечно, чтобы воспитанникъ семинаріи являлся въ образцовой школѣ не рѣдкимъ,

¹⁾ Теперь полагается на педагогику одинъ урокъ въ V кл. и одинъ въ VI кл. Недостатки такого расположенія уроковъ не требуютъ поясненія. При занятіи разъ въ недѣлю (если даже на день урока не падаетъ праздникъ) едва ли получается та „сосредоточенность“ преподаванія, о которой говорить „Объясн. записка“.

²⁾ Въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ методика почему-то изучается въ V кл., а общая дидактика въ VI кл. Если имѣется въ виду подготовить по методикѣ учениковъ къ началу слѣд. учебнаго года, чтобы съ начала учебнаго года ученики VI кл. могли давать пробные уроки, то это ошибочное соображеніе: лучше, чтобы теорія и практика шли вмѣстѣ, параллельно, чтобы теоретическія положенія методики прилагались на практикѣ и практикой уяснялись. Преподаваніе же методики ранѣе уясненія общедидактическихъ положеній и сообщенія общихъ указаній относительно школы—по меньшей мѣрѣ неосновательно.

какъ бы случайнымъ гостемъ, для отбыванія „примѣрнаго“ урока, чтобы школа была для него его дѣламъ, дѣломъ близкимъ, не мертвымъ, а живымъ. Пусть группа учениковъ большая и чаще посѣщаетъ школу, пусть ведетъ здѣсь при указаніяхъ учителя школы дѣло извѣстнаго дня. Преподаватель педагогики, удѣляя ежедневно время школѣ (онъ долженъ быть поставленъ въ такія условія), пусть руководить ихъ занятіями, объединяетъ ихъ дѣятельность. Это будетъ школа класса, и о ней на часахъ педагогики, о ходѣ въ ней обученія, объ успѣхахъ учениковъ должны быть постоянно бесѣды. Преподаватель пусть не является только критикомъ и судьей „практикующагося“ учителя, а его товарищемъ-руководителемъ, учителемъ въ собственномъ смыслѣ. Выяснивъ теорію, пусть самъ покажетъ ея примѣненіе въ школѣ въ присутствіи старшихъ учениковъ. Или пусть учитель школы, который долженъ быть всегда опытнымъ учителемъ-практикомъ, иллюстрируетъ самымъ дѣломъ извѣстный методическій пріемъ ¹⁾... До Устава семинарій 1884 г., когда при семинаріяхъ не было образцовыхъ школъ, при нѣкоторыхъ изъ нихъ организовались школы воскресныя. Подъ наблюденіемъ преподавателя ученики сами завѣдывали школой, вели въ ней все дѣло обученія. Дѣло оживляло ихъ и приносило свой плодъ—и для учащихся и для учащихся. Устройство такихъ воскресныхъ школъ при семинаріи, ихъ организація и веденіе въ нихъ дѣла самими учениками должны быть и теперь поощряемы. Это будетъ живое дѣло учениковъ. Здѣсь—*залогъ* ихъ живаго интереса къ школьному дѣлу, привычки и любви къ нему. Пробужденный интересъ будетъ перенесенъ и на практическія занятія въ образцовой школѣ ²⁾. Трудно, конечно, указать въ

¹⁾ Даже все дѣло въ образцовой школѣ могутъ вести ученики подъ руководствомъ преподавателя, который вмѣстѣ съ тѣмъ и учитель школы, наблюдающій за ходомъ занятій. Въ этомъ случаѣ преподаватель долженъ быть не только теоретически образованнымъ, но и практически подготовленнымъ къ дѣлу. Организовать тотъ или иной порядокъ практическихъ занятій при семинарскихъ школахъ—дѣло *общаго* обсужденія преподавателей, хорошо знакомыхъ съ настоящей постановкой этого дѣла въ семинаріяхъ. Ср. объ этомъ ниже.

²⁾ Воскресныя школы однѣ, конечно, недостаточны. Когда еще не было постоянныхъ школъ при семинаріяхъ, раздавались голоса о необходи-

подробностяхъ возможно совершенную организацію практическихъ занятій въ школѣ. Это дѣло настолько сложное, что его постановка требуетъ *серьезнаго общаго обсужденія специалистовъ, практически знакомыхъ съ дѣломъ преподаванія педагогики въ духовныхъ семинаріяхъ*. Мы хотимъ только отмѣтить, что преподаваніе методики въ семинаріяхъ должно быть практическимъ не на бумагѣ только, а и въ дѣйствительности: образцовыя школы при семинаріяхъ должны быть использованы въ этомъ отношеніи со всей возможной полнотою.

Одновременно съ теоретическимъ изученіемъ методики и практическими занятіями въ школѣ воспитанники семинаріи могутъ изучать краткую исторію педагогики (при распредѣленіи уроковъ по усмотрѣнію преподавателя). Мы уже сказали, что дастъ исторія педагогики учащимся. Пусть они узнаютъ, какія были начала воспитанія въ древне-классическомъ мірѣ, пусть уяснятъ себѣ, что грекъ полагалъ идеаломъ воспитанія—сочетаніе красоты тѣла съ величіемъ духа, что практическій римлянинъ воспитывалъ полезнаго гражданина. Христіанство установило новые принципы воспитанія для всего міра. Эти принципы принимаютъ различную окраску, своеобразный отпечатокъ, проходя чрезъ историческія условія, соприкасаясь съ постепеннымъ проясненіемъ христіанскаго идеала. Чѣмъ было воспитаніе въ эпоху схоластики и у рыцарей? Что дали школьныя системы реали-

мости ихъ организаціи. „Чтобы дать окончившимъ курсъ семинаристамъ возможность вступать въ должность учителя начальной школы съ доступною по времени выработанною техникою преподаванія и чтобы отнять у свѣтскихъ людей самый поводъ къ незаслуженному въ большинствѣ случаевъ восхваленію и превознесенію учителей изъ учительскихъ семинарій“,—заявляли въ то время (М. Куплетскій „Къ вопросу о церковно-приходскихъ школахъ“. Православное Обозрѣніе. 1882. Т. III. Стр. 388. Ср. ст. Б-ва „Прав. Обозр.“ 1876. Т. II, стр. 344),—было бы вполнѣ желательно усилить практическія занятія духовныхъ семинаристовъ по преподаванію предметовъ курса начальныхъ училищъ и для этого превратить существующія воскресныя школы въ постоянныя ежедневныя начальныя школы. Занятія въ воскресной школѣ воспитанниковъ семинаріи надо поощрять, но главное—это занятія въ „образцовой“ школѣ и эти занятія, ихъ нормальная и продуктивная постановка должны быть предметомъ серьезной заботы и всесторонняго обсужденія педагоговъ-специалистовъ.

стовъ и гуманистовъ? Какія цѣли преслѣдовало воспитаніе іезуитовъ и какъ ихъ достигало? Пусть изъ сочиненій Амоса Коменскаго учащіеся усвоятъ себѣ идею воспитывающаго обученія, принципы его разумной постановки въ семьѣ и школѣ, поймутъ сравнительное значеніе образованія формальнаго и матеріальнаго. Локкъ, соединяющій въ себѣ авторитетъ философскаго мышленія и основательныхъ медицинскихъ знаній съ педагогической практикой, скажетъ имъ о важности физическаго воспитанія, Руссо—о воспитаніи естественномъ, природосообразнымъ. Педагогическая система Песталоцци,—этого „спасителя бѣдныхъ, отца сиротъ, основателя народной школы и воспитателя человѣчества“, какъ гласитъ надпись на его надгробномъ памятникѣ,—укажетъ будущему педагогу на важность обученія природосообразнаго и нагляднаго, на необходимость школьной дисциплины, растворяемой любовью къ дѣтямъ, выяснитъ соціальное значеніе школы. Затѣмъ: Фребель, Дистервегъ, Кантъ, Герbartъ, Спенсеръ и т. д.—каждый дастъ новыя мысли, пробудитъ стремленіе къ обсужденію разныхъ вопросовъ педагогической практики. Изученіе исторіи педагогики можетъ быть эпизодическимъ, но оно должно приводить къ современнымъ педагогическимъ идеямъ, заканчиваться обсужденіемъ и уясненіемъ вопросовъ педагогической практики, возбуждаемыхъ потребностями времени... И на судьбу образованія и школы на Руси должно быть обращено вниманіе и даже особое. Каждая школа носитъ отпечатокъ національности. Исторія русской школы научила, какъ безвредна простая пересадка чужестранныхъ воспитательныхъ идей и школьныхъ порядковъ на чужую почву, въ русскій климатъ. Пусть исторію русской педагогики не ограничиваютъ ознакомленіемъ ученика съ Пироговымъ, Ушинскимъ, Рачинскимъ, пусть изученіе учебнаго и школьнаго дѣла на Руси будетъ въ семинаріяхъ возможно полнымъ.

Мы подѣлились своими надеждами, высказали свои соображенія по поводу интересующаго насъ вопроса. Опредѣлить мѣсто и часы педагогики въ общемъ строѣ семинарскихъ наукъ—это задача обсужденія специалистовъ дѣла и вообще общаго обсужденія распредѣленія всѣхъ предме-

товъ будущаго семинарскаго курса. При неотложной по современнымъ обстоятельствамъ коренной реформѣ духовно-учебныхъ заведеній представляется одинъ способъ детальнаго опредѣленія программъ педагогики и вообще предметовъ семинарскаго курса, способъ, не только подсказываемый духомъ времени, но и исключительно цѣлесообразный, надежный, при которомъ возможны—и удовлетвореніе и успокоеніе умовъ и дѣйствительное улучшеніе учебной семинарской программы. Несомнѣнно, что къ обсужденію вопросовъ общаго строя будущихъ семинарій должны быть привлечены мѣстныя силы въ лицѣ преподавателей всѣхъ семинарій. Будущее духовной школы—общее, всѣмъ дорогое дѣло, недостатки котораго виднѣе часто на мѣстѣ. И оно не должно быть созидаемо только чиновниками центрального вѣдомства и нѣсколькими получившими приглашеніе преподавателями семинарій. Въ семинарской жизни назрѣло много новыхъ потребностей, запросовъ послѣдняго времени, даже момента. Пусть же реформа живаго дѣла, не будучи поспѣшной, не будетъ и формально-и сухо-кабинетной... Впереди предъ духовной школой новое знамя... Школу зовутъ за этимъ знаменемъ, на которомъ написано великое и святое дѣло православно-русской Церкви... Впереди—арена широкой, великой дѣятельности будущей духовной школы, школы иного духа; цѣль впереди общая, пусть же общая работа поведетъ насъ къ этой цѣли по наилучшимъ путямъ ¹⁾.

Такъ и послѣ установки общаго учебно-и воспитательно-семинарскаго строя программы отдѣльных предметовъ должны быть обсуждаемы преподающими эти предметы, людьми опыта. Ихъ общій опытъ внесетъ много хорошаго въ дѣло. Если не возможно *общее* собраніе всѣхъ преподавателей каждаго предмета, пусть работаютъ совмѣстно болѣе опытные преподаватели (и, конечно, профессора академій), имѣя право пригласить въ свою комиссію или просить мнѣнія людей свѣдущихъ. Остальные преподаватели и желающіе могутъ письменно высказаться по вопросамъ, за-

¹⁾ Противникамъ осуществленія мысли о сѣздѣ преподавателей духовно-учебныхъ заведеній достаточно отвѣтилъ „Церк. Вѣстникъ“ 1905 № 38, стр. 1192.

тронутымъ комиссіей, и комиссія должна самымъ широкимъ образомъ привлекать ихъ къ общему дѣлу. Черезъ сношеніе „комиссій отдѣльныхъ предметовъ“ возможно урегулированіе взаимнаго объема и отношенія программъ, ихъ соотвѣтствія намѣченному общему строю. Представители комиссій съ представителями семинарій, по избранію семинарскихъ корпорацій, и лицами центральнаго вѣдомства—составятъ общую главную комиссію, объединяющую и сводящую къ окончательному результату работы другихъ комиссій ¹⁾. Комиссія „по каждому предмету“, установивъ его программу, должна обратить вниманіе на учебники предмета. Учебники предметовъ—это больное мѣсто нашей духовной школы. Часто учебникъ, какъ обязательный, получаетъ монополію по причинамъ, не имѣющимъ никакого отношенія къ его научнымъ и учебнымъ достоинствамъ и недостаткамъ... И часто долгое время, безъ измѣненій, потребныхъ по ходу науки, при запрещеніи вводить въ качествѣ учебной другую книгу, учебникъ долгіе годы царить въ семинаріи... Пусть названная выше комиссія, обсудивъ программу предмета и указавъ временно болѣе подходящій учебникъ (и предоставивъ преподавателю большую свободу въ дѣлѣ указанія другихъ учебныхъ книгъ и вообще расширенія и измѣненія программы), пусть поручитъ избранному изъ своей среды составленіе учебника соотвѣтственно программѣ. Съ этимъ дѣломъ спѣшить нельзя. Освобожденный на время отъ прямыхъ своихъ обязанностей, составитель работает по указаніямъ комиссіи и, окончивъ работу, представляетъ учебникъ самой комиссіи или избраннымъ ею лицамъ. Или,—какъ рекомендуютъ нѣкоторые,—въ виду трудности для одного лица составить учебникъ, вполне удовлетворительный во всѣхъ своихъ отдѣлахъ, дѣло это слѣдуетъ поручить нѣсколькимъ лицамъ—специалистамъ, при чемъ составленіе cadaго отдѣла поручается лицу, болѣе знакомому съ этимъ отдѣломъ по своимъ научнымъ работамъ, а составленіе всѣхъ вообще отдѣловъ идетъ по заранѣе намѣченной комиссіей

¹⁾ Комиссія эта можетъ регулировать и общій строй семинарской жизни. На будущее же время изъ членовъ ея составитсѣ организованный комитетъ, который, періодически собираясь, могъ бы возбуждать и разрѣшать назрѣвающіе постепенно вопросы изъ учебно-семинарской жизни.

подробной программѣ. Окончательная обработка учебника принадлежитъ комиссіи. Учебникъ такой принимается и издается центральнымъ вѣдомствомъ. Надо еще добавить, что комиссіи не должны быть закрытыми, не должны дѣлать секрета изъ своей работы. При освѣдомленности о ходѣ этой работы (хотя бы печатаніи въ журналахъ намѣчаемой программы, или даже отдѣловъ будущаго учебника и тому подобное) возможны ея обсужденіе и улучшенія. Духовные же журналы придутъ на помощь общему дѣлу, удѣляя широкое вниманіе ему на своихъ страницахъ.

Все, сказанное относительно вообще учебныхъ программъ и учебниковъ по предметамъ семинарскаго курса, приложимо и къ педагогикѣ. Выработка программы и по этому предмету должна быть дѣломъ особой комиссіи, организованной на указанныхъ началахъ. Мы, высказывая свои соображенія по вопросу о преподаваніи и изученіи педагогики въ духовныхъ семинаріяхъ, хотѣли подчеркнуть желательное расширеніе программы этого предмета. Въ связи съ этимъ предметъ долженъ быть сдѣланъ самостоятельнымъ, а не прибавочнымъ при кафедрѣ философіи и психологіи, какъ теперь. Теперь для преподавателя философіи дидактика—это маленькая непріятность, полезная, какъ синекура, дѣло, которому онъ, занятый главнымъ дѣломъ, естественно удѣляетъ меньше вниманія. При трехъ урокахъ для общей педагогики и дидактики (мы беремъ только возможный *minimum*) и четырехъ для методики и исторіи педагогики (при распредѣленіи ихъ по предметамъ по усмотрѣнію преподавателя), при необходимости для преподавателя быть ежедневно въ школѣ въ качествѣ руководителя практическими занятіями воспитанниковъ,—преподаваніе предмета естественно должно быть поручено отдѣльному лицу ¹⁾.

1) Дѣло школы и руководство будущихъ педагоговъ—сложное, мелочьянохлопотливое и трудное дѣло, требующее едва ли не большаго вниманія и напряженія силъ, чѣмъ преподаваніе въ семинаріи всякаго другого предмета. Вотъ почему преподаватель педагогики долженъ быть поставленъ, по крайней мѣрѣ, въ одинаковыя матеріальныя условія съ другими. По заслуживающему вниманія „проекту“ одной изъ семинарій психологія и педагогика при ихъ непосредственной связи должна составлять кафедру, особую отъ кафедры философіи (и логики). Съ одной стороны это (при особомъ обезпеченіи преподавателя за практическія

Нельзя обойти молчаніемъ еще одного важнаго условія продуктивности преподавательской дѣятельности. Это — пріобрѣтеніе въ семинарскую бібліотеку литературы извѣстнаго предмета. Къ этому должны быть приложены всѣ усилія, такъ какъ это дѣло поставлено очень плохо. И какъ страдаютъ отъ этого преподаваніе и преподаватель, особенно провинціальны, когда онъ не можетъ достать нужной ему книги не смотря на исканіе имъ этой книги въ семинарской, общественной, клубской и друг. бібліотекахъ и даже у частныхъ лицъ. Какъ часто опускаются руки... При матеріальной же необезпеченности, для преподавателя праздыкъ и даже очень рѣдкій, когда онъ на 5 — 6 рублей въ мѣсяцъ, урѣзанные имъ изъ своего бюджета при помощи сложныхъ финансовыхъ и другихъ соображеній, имѣетъ возможность купить новую книгу. И по всѣмъ вообще предметамъ, а по педагогикѣ въ особенности 1) должно составить бібліотеку и удѣлять ежегодно въ распоряженіе преподавателя извѣстную сумму для пріобрѣтенія вновь выходящихъ книгъ по его предмету. Желательны также періодическія командировки преподавателей въ университеты, академіи и другія учебныя заведенія. При *возможныхъ* только условіяхъ дѣятельности *возможно* требовать широкой и продуктивной работы преподавателя.

Педагогика не преподается въ большинствѣ свѣтскихъ учебныхъ заведеній, къ учебному курсу которыхъ требуютъ приравнять и курсъ семинарій. Въ петиціи одной духовной семинаріи въ Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ, сказано, что „дидактика должна быть включена въ курсъ общеобразовательныхъ предметовъ“. Реформа семинарій, конечно, не должна быть простымъ приспособленіемъ къ курсу

занятія въ школѣ) ставило бы преподавателя въ опредѣленное положеніе, давая возможность сосредоточиться на одномъ дѣлѣ, требующемъ спеціального вниманія, усиленныхъ трудовъ и постоянной практики и опыта; съ другой стороны и преподаватель важныхъ въ семинарскомъ курсѣ философскихъ предметовъ не былъ бы отягченъ нелегкимъ прикладнымъ дѣломъ и заботой о школѣ.

1) По педагогикѣ литература обычно отсутствуетъ въ семина. бібліотекѣ, такъ какъ преподаватель настойчивѣе заявляетъ о выпискѣ книгъ по философіи и психологіи, да и для этой цѣли отпускается малая слишкомъ сумма рублей.

гимназій или копіей ея строя, такъ уже отжившаго и вызывающаго столько справедливыхъ отрицательно - критическихъ сужденій. Духовныя семинаріи при своей реформѣ должны пойти не по старой тернистой дорожкѣ, но по новой,—хотя и параллельной, чтобы придти къ одному пункту,—но болѣе широкой и удобной дорогѣ... Въ заявленіи, что „дидактика должна быть включена въ кругъ общеобразовательныхъ предметовъ“, прорывается сознание учащимися общеобразовательнаго значенія педагогики... Педагогика есть, такъ сказать, идейная наука. Она всегда идетъ впереди того общества и времени, гдѣ и когда намѣчаетъ лучшія идеи воспитанія и обученія, такъ какъ онѣ вытекаютъ изъ сознанія недостатковъ и недочетовъ дѣйствительности¹⁾. Имѣя

1) Невольно является мысль: не потому ли, между прочимъ, педагогика такъ долго не была достояніемъ средней школы, что она приближаетъ учащихся къ сознанію недостатковъ и недочетовъ современной школы, особенно—не было ли это причиной (конечно, одной изъ многихъ) и сокращенія курса педагогическихъ знаній въ семинарской программѣ при общемъ охранительно-полицейскомъ духѣ духовной школы?—При „Православномъ Собесѣдникѣ“ печатается „проектъ преобразованія семинарій“ (Сит. см. „Прав. Соб.“ 1906 г. Май. Стр. 26—27). Въ проектѣ проводится мысль, что въ старшихъ (богословскихъ) классахъ духовныхъ семинарій, кромѣ специально - богословскихъ предметовъ, „всѣ прочіе должны быть исключены, такъ какъ они безразличны для пастырской подготовки и только безъ настоящей нужды усложняютъ семинарскій курсъ нежелательною въ педагогическомъ отношеніи многопредметностью. Сюда относится прежде всего дидактика, преподаваніе которой въ дух. сем. обходится весьма дорого (съ образцовой школой), а между тѣмъ получаемая здѣсь профессиональная подготовка не можетъ сравниться съ той, которая дается специальными учительскими школами“. Да, дидактика въ томъ сокращенномъ видѣ, какъ она преподается въ семинаріяхъ теперь, не даетъ никакого развитія ни въ профессиональномъ, ни въ обще-образовательномъ отношеніяхъ. Но это значитъ только, что преподаванію этого предмета должно сообщить иную постановку. Проектъ слишкомъ просто и скоро рѣшилъ дѣло. Развѣ питомецъ семинаріи не будетъ законоучителемъ? Правда, по проекту, священнику, какъ будущему законоучителю, „нужно имѣть свѣдѣнія по крайней мѣрѣ по методикѣ Закона Божія, но для пріобрѣтенія этихъ свѣдѣній достаточно нѣсколькихъ часовъ во вѣбурочное время“. А развѣ законоучителю не надо быть знакомымъ съ обще-дидактическими положеніями? Развѣ ему не надо имѣть свѣдѣній по вопросу объ общей постановкѣ школьнаго дѣла? Развѣ онъ не является и завѣдующимъ школою, осведомленность котораго по методикѣ всѣхъ предметовъ нужна и очень нужна, особенно если мы вспомнимъ, что во многихъ школахъ учите-

связь съ теоретически—научной и въ то же время общественной и практической сторонами жизни, педагогика ве-

лями по необходимости допускаются лица безъ всякой педагогической подготовки, да и вышедшіе изъ профессиональныхъ школъ учителя (которые такъ нравятся авторамъ проэкта) не всегда, какъ педагоги именно, стоятъ на высотѣ своего положенія. Проэктъ отмѣчаетъ, что спеціально-учительскія „школы заводятся въ изобиліи и духовнымъ вѣдомствомъ“, но результаты этой спеціализаціи мало, очевидно, извѣстны на практикѣ авторамъ проэкта... Къ тому же: развѣ педагогика даетъ только знанія изъ области методики и развѣ воспитанникамъ семинаріи не приходится выступать въ жизни на педагогическомъ поприщѣ и помимо начальной школы? Проэктъ заявляетъ: „въ прямыхъ интересахъ церкви безразлично, куда пойдутъ питомцы духовной семинаріи по окончаніи ея курса. Хотя служеніе народнаго учителя само по себѣ почетно и для церкви полезно, но тѣмъ не менѣе въ интересахъ церкви болѣе желательно, чтобы воспитанники семинаріи шли тотчасъ по окончаніи курса въ церковный клиръ“. Итакъ къ причинамъ, по которымъ кандидаты священства избѣгаютъ клира, присоедиена еще одна...—дидактика семинарская!.. Напрасныя опасенія. Развѣ не идутъ учителя-семинаристы въ іереи и развѣ, съ другой стороны, семинаристы непосредственно по окончаніи курса не занимаютъ должностей даже исправника, управляющихъ имѣніями, на желѣзной дорогѣ, въ статистикѣ и проч... Дѣло ие... въ дидактикѣ, а въ положеніи духовенства: въ печальномъ состояніи духовной стороны его службы и непривлекательности житья-бытья. Измѣните условія службы и жизни духовенства и ни народная школа, ни что другое не отвлечетъ кандидата священства отъ пути, намѣченнаго ему образованіемъ, если онъ не чувствуетъ въ себѣ отсутствія призванія къ священному сану (при этомъ сознаніи и при условіи выхода изъ 4-го класса въ университетъ онъ и не будетъ учиться въ богослов. классахъ). Согласимся съ проэктомъ, что „лица, чувствующія въ себѣ исключительно педагогическое призваніе, при той степени развитія и образованности, съ какой они выйдутъ изъ семинаріи, путемъ самостоятельной работы безъ усилій приобрѣтутъ необходимыя для учительской службы спеціальныя познанія и права“, но зачѣмъ заставлять приобрѣтать, хотя и безъ усилій, „познанія и права“ даже для учительства въ начальной школѣ людей, предъ которыми и безъ того по окончаніи семинаріи не лежитъ широкой и обезпеченной жизненной дороги?.. Впрочемъ, все это одна сторона дѣла, „практическая“, если смотрѣть на преподаваніе педагогики, какъ спеціальнаго предмета. Но есть другая сторонѣ преподаванія—общее развитіе. Пусть, наконецъ, не изучается педагогика въ спеціально-богословскихъ классахъ, но пусть она будетъ общеобразовательнымъ предметомъ (семинаристы, какъ мы видѣли, доросли до сознанія общеобразовательнаго значенія педагогическихъ наукъ). Мы уже замѣтили, что опредѣлить мѣсто и часы педагогики въ общемъ строѣ наукъ—дѣло общаго сужденія о распредѣленіи всѣхъ предметовъ будущаго семинарскаго курса. Но мы остаемся

детъ общество къ лучшему будущему и проясняетъ общественное сознаніе. Въ этомъ [вліяніи] ея общеобразовательное и общественное значеніе, а въ этомъ значеніи основаніе, чтобы педагогика въ болѣе широкой программѣ сдѣлалась важнымъ предметомъ курса нашихъ семинарій 1).

В. Яворскій.

1906, VII.

при убѣжденіи, что педагогика *не должна* быть исключена изъ курса семинарскихъ наукъ, что даже преподаваніе ея только въ богословскихъ классахъ принесетъ несомнѣнную пользу будущему духовно-общественному учителю-пастырю.

1) Нельзя не высказать того же пожеланія и по отношеніи къ свѣтскимъ учебнымъ заведеніямъ, гдѣ педагогика не введена или введена въ слабой постановкѣ въ курсъ общеобразовательныхъ предметовъ, а говоря объ общеобразовательномъ и специальномъ значеніи педагогики и о сознаніи значенія этой науки обществомъ, нельзя обойти молчаніемъ и того факта, что есть мысль и, по заслуживающимъ довѣрія слухамъ, она уже не такъ далека отъ осуществленія—открыть при университетѣ особый спеціальный курсъ или педагогическій факультетъ.